

Тетушка Сунь, чьи жадные глаза явно что-то замышляли, подобострастно потерла ладони:

— Ихуань, ты же слышала, что к тебе в дом собирается заселиться тот самый молодой господин? Ты ведь знаешь, что на всех деревенских праздниках и поминках готовлю я.

Ну вот, Чэнь Ихуань сразу поняла, к чему та клонит. Она послушно замерла в сторонке, слушая и слегка приподняв уголки губ.

— У тебя язык подвешен, умеешь красиво говорить. Замолви за меня словечко перед господином, ему ведь наверняка понадобится кухарка. Ты еще ребенок, мало ли, вдруг ему твоя стряпня не по вкусу придется? Предлагаю делить заработок тридцать на семьдесят, вполне справедливо, не находишь?

Изначально она хотела предложить двадцать на восемьдесят, но Чанцин предупредил, что девчонка может заупрямиться, а если деревенский староста узнает, то опять начнет отчитывать их семью. Они мерили всех по себе — видели во всем лишь выгоду и забывали о совести.

Чэнь Ихуань ответила робким голосом:

— Но я уже договорилась с Ваньтин, что если приедет квартирант, я перееду к ней. Я даже не увижусь с этим господином...

— Глупая девчонка! — как и ожидалось, стоило Ихуань начать отказываться, как тетушка Сунь сорвалась на крик. — Деньги сами плывут тебе в руки! Это твой дом, вернуться сюда проще простого, нужно только языком поработать!

От ее громкого вопля соседи повыскакивали из домов. Увидев, что это снова тетушка Сунь, они вышли из себя:

— Послушайте, тетушка Сунь, чем вам Ихуань насолила? Ребенок живет сиротой, а вы, старая прилипала, вечно к ней цепляетесь!

Тетушка Ян, жившая по соседству с Ихуань, была женщиной прямой и решительной — поговаривали, что в молодости она даже поколачивала деревенских хулиганов.

Тетушка Сунь натянуто улыбнулась:

— Да нет же, сестрица Ян, я просто переживаю, что Ихуань одна, ребенок совсем, тяжело ей будет принимать господина, вот и вызвалась помочь с готовкой.

Тетушка Ян сплюнула:

— Ври больше! Я все слышала. Еще раз так сделаешь — пойду прямиком к старосте.

Семья тетушки Сунь до сих пор получала деревенские пособия, а их сын, избалованный поздний ребенок, после учебы засел дома, не желая работать, и только ныл о своих несуществующих болезнях. Испугавшись жалобы, тетушка Сунь потянулась к Чэнь Ихуань:

— Ихуань, объясни тетушке Ян, что я тебя не обижала.

Но не успела она коснуться девочки, как раздался мягкий, дрожащий голос Ихуань, готовый вот-вот расплакаться:

— Тетушка, мне правда страшно.

Тетушка Сунь не ожидала слез. Ведь только что девчонка стояла у ворот, улыбалась, а стоило кому-то подойти — и ведет себя так, будто она ее замучила. Лицо старой женщины посинело от злости, что в глазах тетушки Ян лишь подтвердило ее вину. У самой Ян детей не было, и она не могла выносить вида плачущих детей.

Она нахмурилась, закатала рукава и двинулась вперед:

— Ах ты, старая бесстыдница! Если сейчас же не уйдешь, не обессудь!

Слухи в деревне распространяются быстро. Как раз было время обеда, люди возвращались с полей, и прохожие с мотыгами на плечах останавливались поглазеть.

— Это что, тетушка Сунь? Опять к Ихуань пришла вымогать что-то, раз девчонку до слез довела?

— Тетушка Ян, из-за чего шум? Мы за версту слышали!

— Чанцин опять лежит на кровати и строит козни?

Тетушка Сунь не ожидала, что стоит Ихуань заплакать, как все встанут на ее сторону. Ее собственный язык, который обычно не знал поражений в перепалках с кумушками у колодца, сегодня оказался бессилён против девчонки-подростка.

Лицо ее то бледнело, то синело, сердце сжималось от досады. Она дернула краем старой одежды, сплюнула и поплелась прочь. Проклятье!

Тут же дяди, тети и соседки окружили Чэнь Ихуань, утешая ее, будто она перенесла величайшую обиду. Тетушка Ян перед уходом даже сбежала домой, принесла корзину яиц и сунула девочке:

— Растущий организм, ешь побольше. Если тетушка Сунь снова придет, кричи — я мигом прибегу.

Глаза Чэнь Ихуань все еще были красными, она прижимала к себе корзинку, и ее тонкие, как фарфор, ручки казались совсем крошечными:

— Тогда завтра я помогу вам собрать арахис... Эти яйца, наверное, очень дорогие...

Говорят, послушные дети вызывают особенную жалость. Услышав это, тетушка Ян почувствовала, как сжалось сердце, и окончательно утвердилась в мысли, что так это оставлять нельзя. Тетушка Сунь изводила Ихуань только потому, что у той не было заступников. Староста уже не раз делал ей замечания, но толку не было — на ближайшем деревенском собрании Сунь Чуньлань должна понести наказание! Чтобы ей стало больно — и в кармане, и на душе!

Хуан Ваньтин сказала, что люди из Цзинду приедут на следующей неделе. Ихуань убрала яйца в погреб, а затем, взяв тряпку, поднялась на второй этаж, где никто давно не жил, чтобы навести порядок.

Этот дом оставили дальние родственники из клана Чэнь, перебравшиеся в Цзинду. Сама она была лишь незначительной боковой ветвью рода, почти невидимой. Если кто-то и был здесь чужаком, так это она сама, поэтому она до смерти боялась людей из Цзинду, едущих в Пхеньян.

Задумавшись, она выронила тряпку с балкона второго этажа. Выглянув наружу, она увидела во дворе парня, застывшего под деревом и задумчиво разглядывающего зеленые зизифусы.

Глядя сверху вниз, Чэнь Ихуань вдруг поняла, почему ее подруги так сходили с ума: у Лю Цишаня было лицо, которое, казалось, само небо одарило красотой. Чистое, словно свежий снег после ясной погоды, или полная луна в небе. Он был похож на нефрит. В нем чувствовалась книжная утонченность и врожденная, едва уловимая отстраненность.

Он потянулся к плодам, и Чэнь Ихуань, перегнувшись через перила, не удержалась:

— Они еще не созрели, не боишься, что язык сведет?

Лю Цишань вздрогнул, и в его глубоких, ясных глазах на мгновение мелькнула растерянность.

В голосе Чэнь Ихуань зазвучали звонкие девичьи нотки:

— Ты мою тряпку не видел? Она отсюда упала.

— Вот она, — он поднял лежащую на земле тряпку.

Чэнь Ихуань быстро сбежала вниз. Забирая вещь, она услышала:

— Отец просил передать: люди из Цзинду по фамилии Цзинь, они старше нас. Какое-то время мне и тебе придется сопровождать их.

Он был лишь вестником. Сказав это, он отвел взгляд, явно не горя желанием здесь находиться. Чэнь Ихуань пришла в замешательство: она и так старалась спрятаться, а тут неприятности

сами лезли к ней в руки.

Она опустила голову, нахмурившись, и несколько прядей волос упали ей на лицо. Сегодня она была с хвостиком, открывающим лицо, и ее мягкие черты казались более живыми и яркими. В этом было что-то неуловимое. Лю Цишань задержал на ней взгляд, его дыхание сбилось, и он поспешно отвел глаза, будто обжегшись.

А вечерняя заря, мягкая, как тонкая вуаль, окутывала ее.

Хуан Ваньтин издалека увидела Чэнь Ихуань и Лю Цишаня во дворе. Ее лицо невольно покраснело, а когда она подбежала ближе, стало еще краснее. Как лучшая подруга Ихуань, она не раз использовала ее как предлог, чтобы украдкой посмотреть на Лю Цишаня.

Почти добежав, она вдруг почувствовала неладное. Зачем Лю Цишаню искать встреч с Ихуань? Она столько раз приходила к ней, но никогда не видела, чтобы он проявлял инициативу. Она была влюблена в него, а он — нет. Ее отец работал в сельсовете, и она каждый день могла наблюдать, как Лю Цишань там занимается.

Он не должен был проявлять интерес к ее подруге. Поэтому она громко спросила:

— Лю Цишань, зачем ты приходил к Ихуань?

Голос прозвучал так резко, что Чэнь Ихуань, которая даже не заметила появления подруги, вздрогнула от испуга.

<http://bllate.org/book/22133/2306004>